

АЛЛА БОТНИКОВА

ФЕНОМЕН КРОЙЧИКА, или ПО КОМ ЗВОНИЛ КОЛОКОЛ

... **В**чера, 11 апреля 2019 года, скончался Лев Ефремович Кройчик. Для меня – Лёва Кройчик. Вот уже сутки не могу отделаться от странного чувства какой-то внезапно возникшей пустоты. Сказать, что ушел безвременно, нельзя: уходу предшествовала серьезная болезнь. Да и до восьмидесяти пяти осталось чуть больше месяца... И все-таки...

Любой уход человека из жизни невосполним, но этот особенно. Потому что Кройчик для Воронежа всегда оставался знаковой фигурой. Его знали все. Не только в университете, но и в городе. Воронежский университет последнего полувека своей истории без него вообще непредставим. Его любили коллеги. К нему одобрительно относилось начальство. Студенты его обожали. И так вплоть до старости. Его врагов и недоброжелателей я не встречала. Феноменальная личность. Счастливый, наверное, человек. Хотя утверждать не берусь. В чем же секрет Кройчика?

В некрологе на сайте университета он охарактеризован как «прекрасный педагог, признанный учёный, один из создателей факультета журналистики», один «из главных в стране специалистов по теории публицистических жанров и поэтике отечественной сатиры, основатель легендарного Театра миниатюр ВГУ», «обладатель высшей журналистской награды России “Честь. Достоинство. Профессионализм”», автор «десятки книг об университетских людях». Справедливо. Не поспоришь. Жаль только, что человек, писавший некролог, забыл о главном: Лев Ефремович изначально был и оставался **филологом**. Знал и чувствовал слово, без чего невозможна настоящая журналистика и настоящее литературоведение. Не забудем, он был специалистом по Чехову, автором оригинального

прочтения драматургического творчества этого писателя. Ко всему сказанному можно было бы еще прибавить, что был еще и замечательно нежным мужем, отцом и дедом.

Все так. Но ведь это – общие анкетные данные. Данные качества легко могут быть присущи и кому-нибудь другому. А Кройчик был личностью особой. Как уже говорилось, феноменальной. К Р О Й Ч И К – двусложная, легко соскальзывающая с языка фамилия... За ней – личность. Чтобы разгадать ее секрет, надо хорошо ее знать.

Я знала его много лет. Страшно сказать – с 1954 года! Наше общение почти не прерывалось, хотя отношения складывались по-разному. На моих глазах он рос, вырос, входил в пору зрелости и старел. Я была очевидцем многих важных событий в его жизни. Помню свадьбу, защиты диссертаций (обеих), торжественные юбилеи, отчасти его домашние обстоятельства... Отношения наши имели разные фазы. Ситуация «учитель – ученик» постепенно сменялась на общение коллег. Доверительность оставалась всегда, хотя на разных этапах проявляла себя по-разному. Были периоды большей или меньшей дружеской близости. Бывали и ссоры. Из-за всегдашней его легкости, порой оборачивавшейся легкомыслием. Иерархия в отношениях все-таки всегда слегка чувствовалась. Мои замечания, порой даже резкие, он сносил с присущей ему улыбочивостью, спорил редко. Иногда даже прислушивался. Всегда был сговорчивым.

Наше знакомство состоялось не в аудитории, а на сельскохозяйственных работах в одном из пригородных колхозов, куда меня, в ту пору молодого преподавателя, отправили руководить группой студентов (см.: Архипелаг КОЛХОЗ. Книга воспоминаний. 50-е – 90 – е гг. XX века. Воронеж, 2017). А Лёва был тогда только что зачислен на первый курс. В аудито-

рии особенности студента видны не сразу и даже не всегда. Все сидят, все слушают, что-то записывают. Личность почти не проявляется. Другое дело – свободное общение «на грядке». Приведу маленький пример.

...Девичья группа не справляется с прополкой. – Лёва, на помощь! – Мгновенно появляется он, молодой, веселый, стройный, с копной вьющихся волос... Компания оживает. Раздается веселый смех. Работа пошла... И так всегда. Всегда был готов прийти на помощь, всегда пребывал в хорошем настроении. Легкий человек, добрый, контактный, неконфликтный, неизменно и естественно доброжелательный. Порой даже без разбора. Он хорошо относился ко всем людям без изъятия. И они отвечали ему тем же.

Мелочи многое могут объяснить. Лев Кройчик умел радоваться чужим удачам. Замечательное качество. Помню, с каким добрым восхищением он говорил мне о лекциях своего молодого коллеги... Ни капли ревнивой зависти, которая понятна у пожилых по отношению к молодым и успешным.

Уже в колхозе проявился общественный темперамент Кройчика и его коллективистское сознание. На прощальном вечере-концерте открылось еще одно важное качество его личности: заводилы, массовика, остроумца. По-теперешнему – шоумена. Во время студенчества эти качества проявились с еще большей очевидностью. К ним прибавились еще инициативность и организаторские способности.

Будущий доктор филологических наук, признаемся, не был образцово прилежным студентом. Особенно в области лингвистических дисциплин. Но у меня на экзаменах (я читала курс истории зарубежной литературы) неизменно получал пятерки. Не потому, что уж очень старался или умел вовремя списать или каким-нибудь иным способом обмануть преподавателя. Нет. Привлекала очевидная талантливость, а ответ порой обнаруживал неожиданно свежие повороты мысли, так что невольно приходилось прощать недоученное или недочитанное.

Природное остроумие и талант делали Кройчика душой общества. Ни один праздничный вечер на факультете или на курсе немислим без его участия. Еще в студенческие годы складывалось его «театральное призвание». Первые попытки создания знаменитого впоследствии университетского Театра миниатюр (о Театре миниатюр ВГУ см. подробно: Анчиполовский З. Воронежская легенда. Центр духовного возрождения Черноземного края. Воронеж, 2005) падают на это время. Кройчик был его основателем и руководителем. Он собрал блестящую команду участников-единомышленников, сам вместе

Лев Ефремович Кройчик
(1934–2019)

с ними подбирал тексты для представлений и даже создавал собственные пьесы. Особенно запомнились спектакли «Требуется монарх», «Парадокс», «Записные книжки Ильфа и Петрова» и др. Представления сопровождалось остроумными зонгами, сочиненными тем же Кройчиком. Во всех постановках господствовала стихия комического. Кройчику она была близка. Он умел хорошо рифмовать, стихи, чаще всего остроумные, порой даже остро насмешливые (не исключавшие порой начальственного недовольства и даже запрета). Стихи тут же перелagались на музыку, и все зрелище воспринималось публикой с большим энтузиазмом. С уходом Кройчика театр, просуществовал немного и, к сожалению, распался. И довольно бесславно. Впрочем, и времена изменились.

Взрослую служебную карьеру Кройчик начинал не в университете, а по окончании по распределению отправился в белгородский районный городок Шебекино. Там началась его работа журналиста. По прошествии лет поражаешься, как органично шло его развитие, как благоприятно складывались обстоятельства для раскрытия возможностей его таланта и как органично он вписывался в эти, предлагаемые жизнью, обстоятельства.

На первых порах журналистика стала естественной почвой для развития его природных данных. Многие присущие ему качества соответствовали требованиям этой профессии. Прежде всего, «легкое перо» – одно из непреходящих качеств журналиста, которому в силу профессии нужно незамедлительно выдавать реакцию на событие, изначально не предполагающую долгих раздумий. Слова приходили ему сразу вместе с мыслью, мгновенно и беспрепятственно ложились на бумагу. Похоже, он даже не знал, что такое «муки слова». Качество настоящего журналиста. Мастерством он овладел вполне и в совершенстве. Писал быстро и хорошо. Вспомню, например, знаменитые «Сто строк в конце недели», которые долго украшали газету «Воронежский курьер» в лучшую пору ее существования. Подумать только: каждую неделю небольшой скетч и обязательно сто строк. Слегка хитрил, начиная каждую строку абзацем, так их в колонке помещалось больше. Тем не менее в итоге из этих «строк» возникла целая книга. Будущему историку края она станет пособием по изучению понедельной динамики психологического климата в городе тех лет. Заслуги Льва Ефремовича Кройчика в журналистике неоспоримы.

Но этим заслуги его отнюдь не исчерпываются. Став университетским преподавателем, он сначала занялся теорией журналистского дела, а затем, и как всегда органично, перешел к преподаванию истории литературы. И здесь опять же показал себя как хороший педагог и интересный исследователь. Писал много, даже как-то неправдоподобно много. И методические разработки, и книги по истории и теории журналистики, и литературоведческие исследования. Только книг, кажется, двенадцать, не говоря уже о статьях в научных сборниках. Самые известные его литературоведческие работы – «Драматургия А. П. Чехова», «Поэтика комического», «Поэтика сказа» (совместно с Е. Г. Муценко и В. П. Скобелевым) – весьма положительно оценены специалистами. Помимо этого, Кройчик занимался редактированием и составлением разного рода сборников, писал фельетоны, проблемные статьи. Всего не перечислить. Много труда потратил на книги по истории воронежского университета, выступив его летописцем-документалистом. Только в последние два года жизни, когда университет готовился к празднованию своего столетия, Кройчик подготовил несколько книг. Книжки о его ученых, о его ставших известными выпускниках, о важных событиях в жизни вуза... Он был глубоко огорчен тем, что не все подготовленные им книги были напечатаны, а появились лишь в электронном варианте. В последнее время Кройчик работал буквально наперегонки с болезнью. Как всегда, с

увлечением, но отчасти и через силу. Может статься, это его и подкосило. Но кто знает?..

Сейчас, просматривая весь путь Льва Кройчика, видишь внутреннюю органичность его развития. Несмотря на разнообразие интересов и занятий, – театр, журналистика, литература, – всё у него определялось присущим ему мироощущением. Удивительно цельным. Он умел принимать жизнь во всех ее проявлениях, не спорить с ней, понимать людей с разными жизненными установками. Он как бы изначально знал, что все действительно разумно, а то, что ему не нравится, преодолимо. Потому что прежде всего *смешно*. Отсюда и проистекал его интерес к стихии комического, проявившийся в его театральные опытах, в журналистской практике (фельетоны) и в теории (научные исследования).

Мировоззрение Кройчика совпадало общественным сознанием времени формирования его личности с его эпохой. Тогда в сознательную жизнь вступало поколение людей, которых теперь принято называть шестидесятниками. Это – дети войны. Они и стали выразителями новых настроений, возникших в обществе после знаменитого XX съезда КПСС. Кройчик – дитя этого времени, с его оптимистическими надеждами на «социализм с человеческим лицом». Разочаровавшиеся потомки стали рассматривать эти надежды как наивные и утопичные. Наверное, справедливо. Однако тогда они были актуальны, они освобождали сознание и, хоть малыми глотками, позволяли вдохнуть воздух свободы. Неслучайно именно на 60-е и начало 70-х гг. пришелся первый расцвет со сталинским прошлым и гуманитарное возрождение. В публицистике, художественной литературе (особенно в поэзии), театре («Таганка», театр Анатолия Эфроса, «Современник»)...

Эти годы сформировали Кройчика, и он никогда не отрекался от идеалов своей молодости. Так и остался человеком *своего* времени. Забавно, что даже в мелочах он упрямо хранил верность старым привычкам. Скажем, упорно продолжал писать ручкой, не желал пользоваться компьютером. Вот такая, немного забавная верность прошлому.

Грустно, что последние могикане этого поколения покидают нас. Оно было не худшим в российской истории. С уходом Льва Кройчика колокол звонил и по его эпохе.

11 апреля – 20 апреля 2019 года

P.S. Написав этот текст, открыла интернет и нашла там много замечательных текстов о Льве Ефремовиче Кройчике. Писали и его студенты разных лет. И написали отлично. В сущности, они сказали обо всем. И намного лучше. Спасибо им!